

Это был день похорон.

Последние два дня я провел, отсиживаясь в своей спальне, выходя только для того, чтобы поесть и поиграть с Эхо.

Небо было серым и облачным, что резко отличалось от последних двух дней с яркой погодой.

Мне было тяжело грустить из-за смерти моей семьи. В отличие от того, как я легко поладил со своей ручной совой, мертвый Одрик явно не очень любил свою семью.

Учитывая то, как они с ним обращались, я даже не мог его винить.

Я был одет в костюм-тройку, который купила для меня моя тетя.

Я не слишком нервничал, но решил пропустить завтрак просто потому, что было странно есть перед тем, как идти на похороны, где хоронили всю мою семью.

Я понятия не имел, кто будет присутствовать на похоронах. Я сомневался, что кто-либо из моих живых родственников был бы заинтересован в том, чтобы идти на похороны семьи, которая опозорила их имя.

Тетя Ваннесса появилась довольно рано, одетая вся в черное. Она приехала на черной машине, это была старая модель, но явно очень дорогая для своего времени.

Тетя Ваннесса почти ничего не говорила мне, что меня вполне устраивало, я тоже понятия не имела, что сказать.

Мы оба сели на заднее сиденье машины.

За рулем машины сидел мужчина серьезного вида в черном пальто и цилиндре. Тетя Ваннесса ничего ему не сказала, поэтому я тоже молчал.

Похороны состоялись в мистически выглядящей роще, небольшой лесистой местности, окруженной раскинувшимися полями.

Вокруг были и другие могилы, поэтому я предположил, что это принадлежало семье Альбелин.

Когда мы приехали, небо было затянуто тучами и грозило пролиться дождем. Мне не было грустно, но это слишком сильно напомнило о том факте, что я умер и моя мама с сестрой проходят через это возможно в этот же день.

— Одрик, возьми это. — Моя тетя протянула мне черный зонтик, который я с благодарностью взял.

— Спасибо, тетя. — пробормотал я, выходя из машины.

Мне не нужно было видеть ее лицо, чтобы понять, что оно было опухшим и бледным от слез.

Я не мог винить ее, моя мама была ее единственной сестрой, возможно, она и не одобряла ее жизненный выбор, но все равно любила ее.

Вокруг свежевырытых могил уже стояли люди, одетые в черное.

Я ни кого не узнавал, это было трудновато, потому что все они были в шляпах и шарфах,

скрывавших их черты.

Людей, собравшихся вокруг, было не больше 20. Мне интересно, сколько людей придет на мои похороны в моем мире.

Моя мама и сестра знали много людей, так что, вероятно, пришло бы больше двадцати человек, но скорее для того, чтобы поддержать мою маму с сестрой, а не чтобы оплакивать мою гибель.

Я был рад, что меня там не было. Я едва подавил смех, я никак не мог присутствовать на собственных похоронах.

Моя тетя, стоявшая рядом со мной, восприняла это как то, что я тихо плачу, и придвинулась ближе ко мне, обняв меня сбоку в попытке утешить.

Похороны прошли быстро, как будто присутствующим не терпелось уйти.

Моя тетя наконец отпустила меня, чтобы произнести речь. Мое сердце упало на дно желудка.

Меня ведь не попросят произнести речь, верно? Никто ничего не говорил мне о речи на похоронах трех незнакомцев.

К счастью, после того, как тетя Ваннесса закончила свою длинную и полную слез речь, пришло время опускать гробы в свежерытую землю.

Гробы под действием заклинания левитации спустились в низ в ямы. Не знаю, может волшебники и привыкли к подобному, но как по мне это выглядело будто мертвецы по своей воле на гробах поехали в свою собственную могилу.

Мы с тетей Ваннессой вышли вперед, чтобы бросить первые пригоршни земли в каждую из могил.

Мы были единственными присутствующими родственниками, остальные были друзьями тети Ваннессы и коллегами моего отца по работе.

Вскоре все гробы были засыпаны, а ямы в земле аккуратно заполнены до краев.

Единственное, что осталось, - это надгробия из чистого белого мрамора, торчащие из земли, как больные пальцы.

Была объявлена минута молчания, чтобы отдать дань уважения погибшим. Минуту или две действительно было тихо, а затем в небе сверкнула молния, предвещающая раскат грома.

Почти сразу же пошел дождь. Это было так неожиданно, что вызвало небольшой переполох среди гостей похорон.

Раздались шепоты и лязганье зонтов, когда все поспешили раскрыть свои зонтики. Они попытались возобновить минуту молчания, но момент уже был нарушен.

Дождь прекратился так же быстр и небо начало проясняться, как будто всего несколько мгновений назад не было ливня.

Похороны тоже закончились, почти все ушли, как только им позволили.

К нам подошла всего пара человек, самые близкие друзья тети Ваннессы, которые только пробормотали мне несколько неопределенных слов сочувствия.

Вероятно, они разговаривали со мной только потому, что тетя Ваннесса попросила их об этом.

Единственным человеком, который видимо по своей воле поддерживал со мной беседу, была секретарь моего отца.

Дирк Болдрик.

Сгорбленный, лысеющий Волшебник, который выглядел так, как будто ему было от 40 до 70 лет.

Его редющие волосы были темно-каштановыми, а его молочно-карие глаза-бусинки пристально смотрели на меня, когда он искренне посочувствовал смерти всей моей семьи.

— Я глубоко сожалею о твоей потере, молодой мастер Одрик. — Его голос был скрипучим и неприятным для ушей. — Это ужасно, что вам пришлось потерять память из-за вашей трагедии. — В этот момент он трагически вздохнул.

Я просто не мог перестать задаваться вопросом, какого черта он заговорил об этом.

— Если у вас есть какие-либо вопросы, не стесняйтесь обращаться ко мне. Ваш отец назначил меня ответственным за финансы семьи, так что вам не нужно беспокоиться об этом сейчас, просто сосредоточьтесь на своей школьной жизни...

Для того, кто выглядел как стажер мрачного жнеца, он определенно много говорил.

Я кивнул и сказал правильные вещи, пожав руку секретарю Болдрику, прежде чем он ушел.

Этот человек был ходячим красным флагом. Во-первых, теперь я с опаской относился к людям, которые называли меня "Молодой мастер Одрик".

Во-вторых, как он узнал, что я потерял свои воспоминания? Эта информация была совершенно конфиденциальной, и я сомневалась, что моя тетя рассказала ему.

В-третьих, он позаботился о том, чтобы напомнить мне, что мой отец поручил ему распоряжаться семейными деньгами, прямо сказав мне не вмешиваться.

Я бы и так не вмешивался, не потому, что мне было не наплевать на его мнение, а потому, что в настоящее время я был слишком занят и недостаточно подготовлен, чтобы заниматься инвестициями и финансами семьи, которые в основном достались мне как единственному выжившему члену семьи.

Однако я планировал присматривать за ним, так же как и за Маларком, эти двое вызывают больше всего подозрений.